

Центральная Азия и Китай: растущее партнерство

Себастьян Пейруз

рабочий доклад 04

октябрь 2009

© EUCAM 2009
ISBN 13: 978-92-9079-936-8
октябрь 2009

Центральная Азия и Китай: растущее партнерство

Себастьян Пейруз

Рабочий доклад EUCAM No. 4

Содержание

Введение	4
Политические и географические последствия присутствия КНР в Центральной Азии	5
Реорганизация экономики в пользу Пекина	6
Треугольник “Россия-КНР-ЕС” в Центральной Азии	7
Рекомендации	9
Заключение	10
Примечания	11

Введение

С начала 2000-х годов, Китайская Народная Республика (КНР) стала особенно важным игроком на Центрально-азиатской арене, которая до тех пор оставалась разделенной между Россией и США. Сегодня будущее Центральной Азии зависит от ее способности избежать дестабилизации в афгано-пакистанском регионе, а также воспользоваться экономическим процветанием азиатско-тихоокеанского региона. За менее чем два десятилетия Пекин смог многосторонне обозначить свое присутствие в регионе Средней Азии: Китай укрепил свою позицию верного партнера на уровне двусторонних дипломатических отношений и преуспел в превращении Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в региональную структуру, поддерживаемую ее членами. Китай также стал ведущим участником торгового, топливного и инфраструктурного сектора.

Об авторе:

Себастьян Пейруз – старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа (Школа углубленных международных исследований при университете Джонса Хопкинса) в Вашингтоне и научный сотрудник парижского Института международных и стратегических отношений (IRIS). Получил докторскую степень в Национальном институте восточных языков и культур в Париже, был докторантом французского института среднеазиатских исследований в Ташкенте и вел там научную работу после защиты диссертации, состоял научным сотрудником в Славянском исследовательском центре Университета Хоккайдо в Саппоро и научным сотрудником в международном научном центре Вудро Вильсона в Вашингтоне. Основные сферы его научных интересов – политические режимы Центральной Азии, исламизм, религиозные меньшинства, геополитика, и другие. Национальном институте восточных языков и культур в Париже, был докторантом французского института среднеазиатских исследований в Ташкенте и вел там научную работу после защиты диссертации, состоял научным сотрудником в Славянском исследовательском центре Университета Хоккайдо в Саппоро и научным сотрудником в международном научном центре Вудро Вильсона в Вашингтоне. Основные сферы его научных интересов – политические режимы Центральной Азии, исламизм, религиозные меньшинства, геополитика, и другие.

Данный доклад рассматривает политические и геополитические последствия растущего влияния Китая, экономические условия присутствия Китая в среднеазиатском регионе, а также оценивает изменения реалий Средней Азии под влиянием Китая. В какой степени это повлияет на цели Евросоюза? Китай – один из основных экономических конкурентов ЕС в таких сферах, как, например, энергетика. Он препятствует сотрудничеству между странами Средней Азии и ЕС, а также поддерживает авторитарные тенденции политических режимов. Тем не менее, партнерство и экономическая конкуренция неразрывно связаны между собой, что также закреплено в уставах ЕС.¹ К тому же, мотивация присутствия ЕС в Средней Азии не заключается в конкурировании с соседними странами, а наоборот, объясняется стремлением к сотрудничеству, руководствуясь принципом многостороннего участия, которое принесет стабильность и геополитическое равновесие в регион. Какие же интересы разделяют Китай и ЕС в Средней Азии? Некоторые вопросы, в частности безопасность и долгосрочное развитие, вызывают беспокойство как ЕС, так и Китая, и Пекин стремится к более тесному сотрудничеству с Европой.

Политические и геополитические последствия присутствия Китая в Средней Азии

Интересы Китая в Средней Азии развивались поэтапно. В первой половине 90-х годов приоритетным направлением была демилитаризация границ и подписание договоров об их разграничении, и предотвращение усиления сепаратизма в Уйгуре. Во второй половине 90-х и начале 2000-х, Китай стремился к созданию платформы для обсуждения и взаимного открытия, а также к разработке совместной структуры безопасности. В первой половине 2000-х годов, Китай укрепил свои позиции на рынке Средней Азии, исходя из того, что экономическое сотрудничество сглаживает политическую напряженность. Наконец, с 2005 года, страна робко надеется найти способ продвижения китайского языка и традиций среди высших слоев

среднеазиатского общества, ориентируясь на китайскую модель.

Молодые государства Центральной Азии обнаружили своего китайского соседа в 1991 году, во время провозглашения своей независимости. Им сразу пришлось установить хорошие соседские отношения со страной, о которой они так мало знали, и которую так старательно очернял Советский Союз.² Несмотря на то, что Китай незамедлительно признал независимость пяти государств, Пекин считал себя жертвой «неравных договоров», подписанных в 19 веке между империями Европы, в частности при участии царистской России. На протяжении многих десятилетий, напряженные отношения между советской и китайской коммунистической партией препятствовали разрешению этих споров, которые перешли по наследству к молодым независимым государствам. В начале 90-х годов власти Китая, все еще находясь под международными санкциями после жестоких репрессий в Тяньаньмэне в июне 1989 года, согласились сузить свои территориальные требования до «всего лишь» 34000 квадратных километров, в основном желая таким образом обеспечить себе политических союзников в Центральной Азии.³

По сравнению с напряженными спорами с советским режимом, 10 лет, понадобившиеся Китаю для разрешения вопросов границы с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, прошли довольно быстро и мирно. Сначала власти Китая, которым уже не нужно было иметь дело с крайне влиятельным Советским Союзом, решили, что их экономическое и геополитическое преимущество над молодыми государствами облегчит переговоры и обеспечит им еще большее превосходство, особенно ввиду того, что правительства Центральной Азии находились в поиске альтернативных партнеров, чтобы смягчить последствия потери субсидий СССР. Несмотря на это, переговоры оказались более трудными, чем предполагал Пекин. Власти Средней Азии, обеспокоенные будущим гегемонии Китая после более чем векового русско-советского господства, не

собирались быстро сдаваться. Гордясь своей вновь обретенной независимостью, они не соглашались легко расстаться с территориями, которые им принадлежали. Этому также способствовали крайне ярко выраженные настроения синофобии. К тому же угроза международного терроризма препятствовала переговорам по поводу демилитаризации границ и тормозила идею совместного пограничного контроля в будущем.

В конечном итоге Пекин подписал договор о разграничении границ с Казахстаном в 1994 году (некоторые спорные территории были разграничены позже, в 1999 году), с Кыргызстаном в 1996 году (здесь тоже, спорные территории были разделены к 1999 году) и с Таджикистаном к 2002 году. Таким образом Китай удовлетворился меньшими территориями, чем те, на которые изначально претендовал. Несмотря на это, полученные территории имеют значительную экономическую и стратегическую ценность, включая доступ к рекам, подземным ресурсам и высокогорным перевалам. Такие территориальные уступки не были положительно восприняты в некоторых слоях общества первых двух стран, которые посчитали, что правительства их государств капитулировали, а Китай, в свою очередь, вскоре заявит о своих правах и на другие земли.⁴ Китай, в то же время, не преминул прибегнуть к политическому давлению на самом высоком уровне с целью блокирования проявлений солидарности между диаспорой Уйгура в Средней Азии и Синьцзяном.

После решения вопроса с границами и подавления уйгурского конфликта, Китай начал агрессивную торговую кампанию в Средней Азии и усилил свое присутствие в регионе, осуществляя различные вложения в сферу безопасности и стратегии в рамках ШОС. Основным опасением Шанхайской группы, созданной в 1996 году, было ведение переговоров по решению пограничных конфликтов, а также подписание конфиденциальных соглашений, касающихся не только установления границ, но и их демилитаризации. В скором времени группа решила расширить сферу своих действий с обеспечения безопасности границ до

поддержания стабильности в регионе. В июне 2001 года Шанхайская группа, в которую к тому времени вступил колеблющийся Узбекистан, была реорганизована в ШОС, чей устав основывался на совместной борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, таким образом принимая китайскую терминологию «трех зол» (*san gu shili*).

ШОС способствовала сглаживанию значительного количества потенциальных конфликтов, в особенности тех, которые касались границ, но организация не смогла провести многосторонние миротворческие операции внутри или за пределами своей зоны. Так как ШОС была создана как надгосударственная организация, что подразумевает меньшую независимость членов, у нее нет четкой военной структуры, как у Организации договора о коллективной безопасности, которая включает продажу технологического оборудования странам членам. Это ни альянс по военной обороне, как НАТО, ни организация, стремящаяся создать многосторонние военные и охранные блоки. Несмотря на создание антитеррористического центра в Ташкенте в 2004 году - Региональная антитеррористическая структура (РАТС), призванная развивать совместный подход к борьбе с террористическими движениями, остальные программы многосторонней безопасности не получают дальнейшего развития.⁵ К тому же, ни Россия, ни Китай не желают разглашать секретную информацию о новых технологиях и о военном комплексе своей страны. В отношениях России и Китая преобладает исторически сложившееся недоверие и неизбежное ощущение соперничества, несмотря на то, что эти страны официально не рассматривают друг друга как потенциальных врагов. Тем не менее, даже такой контекст допускает обмен информацией и диалог на уровне доктрины, способствующий лучшему пониманию структуры безопасности друг друга. Таким образом ШОС в первую очередь является отражением желания Китая поддержать то, что Пекин формулирует как «здоровый порядок в Средней Азии», свободный от сепаратизма, исламизма и про-западных сил, которые могут дестабилизировать Китай.⁶

Расширение ШОС, а особенно его влияния на экономическую сферу, вызвало споры среди стран членов, что обнаруживает их противоречивые интересы. Программы действий в сфере безопасности и экономики теперь соревнуются между собой за право на первенство. Естественно, эти две программы не являются взаимно исключаящими, но в виду ограниченных бюджетных средств, невозможно дать приоритетность обоим. Китай, безусловно, будет выступать в поддержку экономического переориентирования ШОС любого типа, что Пекин определяет как возможность развития «Дальнего Запада» и завоевания новых рынков. Однако учитывая стремительное развитие экономики Китая, как Москва, так и государства Центральной Азии боятся попасть под экономическое господство Китая и настаивают на том, что свободные экономические зоны возможны только между странами одного и того же экономического уровня. Тем не менее, некоторым сферам особенно благоприятствует многосторонняя структура ШОС. Это касается, например, строительства транспортного коридора между Китаем и Каспийским морем, проходящего через Россию и Центральную Азию, при наличии соглашения по экспорту электричества, а также развития структур, координирующих торговлю и транзит топлива между государствами членами ШОС.

За более чем десятилетний период существования, ШОС и ее предшественница, Шанхайская группа, частично достигли успехов. Они помогли сгладить давнюю напряженность между Россией и Китаем, внедрить механизмы, с помощью которых бывшие советские республики могут ближе узнать своего китайского соседа, а также создать совместный дискурс об общих угрозах этих стран. С точки зрения геополитики, ШОС пользуется международным признанием, на которое надеялись страны члены, особенно Москва и Пекин. Теперь, когда достигнуты поставленные цели развития и индустриализации, у организации появляются новые задачи. С точки зрения экономики, организация не смогла соперничать с Евразийским Экономическим Сообществом. Развитие торговых отношений между странами членами остается

в основном двусторонним. Ему также не хватает направленности. Организация не смогла побороть опасения России и Центральной Азии по поводу нашествия китайской продукции. Только в сфере энергетики, в особенности нефтяной, организация признана двигателем регионального сотрудничества. В не близком еще будущем ожидается создание «энергоклуба», который сможет оказывать влияние на международный рынок.

На стратегическом уровне, деятельность ШОС многогранна, но в целом пока остается на этапе озвучивания намерений. Несмотря на риторику Генерального секретариата и РАТС, очевидна недостаточная согласованность между странами членами; желание обмениваться информацией подавляется, финансовые ресурсы слишком скудные, а бюрократические структуры – слабые. К тому же, отсутствие общей юрисдикции в большинстве вопросов, а также нехватка информации по самым важным вопросам значительно сужают горизонт возможных действий. Тем не менее, несмотря на то, что ШОС бесспорно пытается противостоять влиянию Запада в регионе, ни одна из стран участниц не стремится проводить агрессивную политику против интересов США.⁷ Китай не может себе позволить быть объявленным «вражеской страной» для США, так как его экономика сейчас зависит от его отношений с Вашингтоном. Государства Центральной Азии стремятся поддерживать контакты с Западом в противовес влиянию Москвы и Пекина. Даже несмотря на усиление анти-американских настроений среди высших слоев Центрально-азиатского общества, считается, что западное присутствие в регионе – гарантия равновесия. Общество согласно с мнением, что двоевластие России и Китая в регионе - опасно.⁸ К тому же, ШОС не сумела скоординировать совместные действия против наркотрафика, а также не смогла стать платформой для обсуждения проблем с водоснабжением. Несмотря на призывы Душанбе, Бишкека и Ташкента, чтобы ШОС содействовала разрешению вопроса о водоснабжении, Китай отказывается принимать в нем участие.

У Китая и России похожие геополитические цели в

Центральной Азии: обе страны стремятся к безопасности своих границ, обеспокоены способностью Центрально-азиатских стран противостоять дестабилизации (в случае гражданской войны, исламистских бунтов, общественных восстаний или дворцового переворота), а также считают регион основной транзитной зоной для наркотрафика из Афганистана. Пекин и Москва вместе не приемлют понятие того, что у Запада есть какое либо право контролировать Евразийское пространство. Политическому сближению России, Китая и Центральной Азии способствовала совместная борьба против угрозы исламизма. Пекин завоевал себе место в регионе в основном благодаря своему стремлению бороться с исламистскими движениями, за что получил одобрительную реакцию всех столиц Центральной Азии. Геостратегическое сближение Китая и Центральной Азии также основывается на проблеме Афганистана. Для Центральной Азии Афганистан является «открытой раной», где берут начало исламизм, наркотики и торговля оружием, а также ступором в развитии отношений региона с Южной Азией. Пока в Кабуле не наблюдается стабильности, странам Центральной Азии сложно будет развить крепкие экономические отношения с Индией или Пакистаном в виде строительства трубопроводов, экспорта электричества или торговых отношений. Китай разделяет обеспокоенность Центральной Азии и также хочет наблюдать стабильность на своей границе с Афганистаном. Вследствие такого альянса, вся внутренняя политическая оппозиция объединена угрозой исламизма: Китай поддерживал Кремль в войне с Чечней, а Россия и Центральная Азия поддержали политику Китая в Синьцзяне. Москва и Пекин также предоставили режимам Средней Азии свои технологические и военные знания и ноу-хау для того, чтобы страны региона боролись не только с исламистским движением Узбекистана и Хизб ут-Тахрир, но и с более обширной нерелигиозной оппозицией.

Такое политическое сближение имело значительное влияние на общество Центрально-азиатских стран: попытки принять политические реформы были

блокированы, деятельность НПО и гражданского населения все более ограничивается, а получение доступа к новым технологиям и СМИ, а также к сети Интернет, стало все более затруднительно. Китаю благодарны за предоставление технологий, которые ограничивают доступ в Интернет, а также программного обеспечения, которое блокирует диссидентские веб сайты.⁹ Данный альянс между Россией, Китаем и Центральной Азией достиг апогея во время мятежа в Андижане 13 мая 2005 года, который был жестко подавлен узбекскими властями. Западные страны обвинили режим Ислама Каримова в несоразмерном применении силы и погромах среди мирного населения, не принимая официальное объяснение Ташкента, которое заключалось в том, что исламисты попытались совершить переворот. Однако, как Кремль, так и Китай пришли на помощь узбекскому режиму.¹⁰ В ноябре 2005 года США попросили покинуть военную базу в Карши Ханабаде, что явилось знаком стратегического поворота Ташкента в сторону Москвы и Пекина.¹¹ Признание Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии в 2008 году усилило позицию Пекина с перспективы Центрально-азиатских режимов, которые и сами обеспокоены любыми изменениями существующих границ.¹²

В то время как влияние Китая на Центральную Азию варьировалось в течение двух пост советских десятилетий, основные интересы Китая остаются неизменными. Регион Центральной Азии имеет стратегическую ценность для Пекина вследствие его отношений с Синьцзяном. Любая дестабилизация треугольника Центральная Азия-Афганистан-Пакистан напрямую повлияет на северо-западный регион Китая. За исключением этого вопроса, внешняя политика Китая направлена в основном на отношения с США, Японией и остальными странами Азии. Цена вытеснения России из региона была бы слишком высока в сравнении с довольно скромными преимуществами такого сценария. Это также заставило бы Китай более активно, чем он этого хочет, участвовать во внутренних вопросах региона Центральной Азии. Власти Китая осознают свою ограниченную способность

контролировать свои собственные государственные границы, особенно после событий в Тибете в 2008 году и в Синьцзяне в июле 2009. Политика Китая в отношении Центральной Азии в основном нацелена на прагматические результаты. Пекин сумел разрешить споры о границах и снизить военную напряженность на них. Стране также удалось подавить уйгурскую проблему и убедить местные политические режимы принять дискурс Китая в вопросе борьбы против «трех зол» (терроризм, сепаратизм и религиозный экстремизм), в вопросе единения Китая и Тайваня, а также опасности вмешательства Запада.

Реорганизация экономики в пользу Пекина

Растущий потенциал Китая повлиял не только на политическую и геополитическую ситуацию в странах Центральной Азии, но также в корне изменил экономическое положение региона. В быстрой торговой экспансии между Китаем и Центральной Азии задействовано несколько стратегий. Во-первых, Китай стремится укрепить свое политическое влияние в Центральной Азии, используя политику сознательного участия в ключевых секторах экономики. Во-вторых, страна хочет способствовать развитию региона с целью избежания политической и социальной дестабилизации, которая может иметь последствия в Синьцзяне и замедлить рост Китая. Наконец, Центральная Азия является новым рынком для китайских продуктов, который может помочь завоевать и рынки всей РФ. На фоне этого, власти Китая даже предложили несколько проектов по объединению ШОС и Евразийского экономического сообщества. В целях улучшения торговли, Пекин активно поддерживал заявления Казахстана, Узбекистана и Таджикистана о вступлении во Всемирную торговую организацию.¹³

Для внедрения всех этих стратегий Китай использует множество инструментов развития как двусторонних, так и коллективных структур, таких как ШОС. Многие западные компании считают, что страны Центральной Азии, за исключением Казахстана,

представляют риск, а условия вложений там неблагоприятные и непредсказуемые. Местные власти, таким образом, стремятся сотрудничать с прагматичными иностранными партнерами, которых не пугает политическая обстановка и которые могут совершать вложения как в крупные, так и в средние и небольшие проекты. Несмотря на возможное отсутствие прибыли в таких проектах, они могут резко изменить жизнь местного населения, которому они принесут пользу. Власти Китая осознали, насколько бедность и упадок элементарной инфраструктуры страны влияют на возможность дестабилизации в регионе. Пекин разыграл карту инвестиций, построив новые автомобильные и железные дороги, улучшив электросети и гидроэлектрические ресурсы, разработав ценные минеральные ресурсы и, конечно, улучшив торговые отношения.

Китай также является одним из немногих инвесторов Центральной Азии, который уделяет внимание часто игнорируемому банковскому сектору, что позволяет среднеазиатским республикам заниматься осуществлением крупных проектов. За исключением Казахстана, у всех стран региона крайне слабая банковская система. Банк Китая и Китайский промышленный и коммерческий банк открыли свои отделения в Казахстане. В 2006 году Фонд развития Казына и Банк развития Китая решили создать китайско-казахский фонд развития для инвестиций в совместные проекты по инфраструктуре размером до 5 млрд. долларов. Казына также надеется отправить представителей в Пекин, Гонконг и Урумчи, а также получить льготные условия доступа к бирже Гонконга. В 2009 году за несколько недель до саммита ШОС в Екатеринбурге, Китай выделил Казахстану 10 млрд. долларов кредита. Половина суммы предназначена для оплаты сделки по продаже Мангистау-Мунай-Газ Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC) и строительства газопровода Бейнеу-Бозой-Акбулак, а вторая половина составляет кредит, предоставленный Экспортно-Импортным банком Китая своему партнеру, Банку развития Казахстана.¹⁴

Торговля между Китаем и Центральной Азией процветает уже около десяти лет. В период с 2000 по 2003 год торговый оборот между Центральной Азией и Китаем увеличился практически на 200%, с 1 млрд. долларов до более чем 3 млрд.¹⁵ В 2006 году торговля между Китаем и Центральной Азией увеличилась до 10 млрд. долларов, согласно данным из Центральной Азии, или до 13 млрд. по данным Китая.¹⁶ В 2007 году обороты торговли достигли 18 млрд. по сравнению с 21 млрд. торговли с Россией.¹⁷ Таким образом разница торгового оборота с Россией и Китаем сужается в пользу Пекина, чье развитие в торговой сфере является показательным. Учитывая челночную торговлю, экономическое присутствие Китая в соседствующих странах, таких как Казахстан и Киргизстан, уже больше, чем присутствие России.¹⁸ Такого рода динамика раньше распространялась практически исключительно на эти страны, но сейчас она затрагивает весь регион. Тем не менее, в сфере экспорта из Центральной Азии в Китай все еще наблюдается недостаточная диверсификация: четверть казахского экспорта в Китай составляет нефть, другую четверть – цветные металлы, еще четверть – железо, сталь и другие металлы. Металлы составляют третью часть киргизского экспорта в Китай, а химические продукты и цветные металлы – 20 и 25% соответственно.¹⁹ В свою очередь готовая китайская продукция составляет 92% импорта в Центральную Азию.²⁰ Какая бы роль ни была уготовлена Китаю в Центральной Азии в будущем, регион, безусловно, ощутит укрепление специализации экономики на сырье.

Торговля между Центральной Азией и Китаем в основном основывается на торговле между Китаем и Казахстаном (70%), больше двух третей которой происходит в Синьцзяне. Астана за короткое время стала вторым по объемам торговли партнером Китая в СНГ после России. Уже довольно долго страна является основным иностранным торговым партнером Синьцзяна.²¹ От общего объема торговли, Узбекистан имеет 9%, Кыргызстан – 7%, а Туркменистан только 2%²², хотя торговля с Туркменистаном должна значительно увеличиться благодаря появлению

газопровода. Удивительно низкие обороты торговли между Китаем и Кыргызстаном в процентном соотношении по сравнению с остальными странами Центральной Азии объясняются слабостью киргизского экономического положения. Несмотря на это, ситуация может поменяться с развитием транзитных направлений. Кыргызстан стал основным направлением для реэкспорта китайской продукции в другие страны Центральной Азии. По мнению некоторых экономистов, около 75% китайского импорта в Кыргызстан реэкспортируется в другие Центрально-азиатские страны. Такой коммерческий рост настолько важен, что реэкспорт китайских товаров стал второй по величине экономической деятельностью Кыргызстана после добычи золота.²³

Энергетика, естественно, является одним из двигателей экономических отношений Китая и Центральной Азии. Китай нуждается в сырье и стремится диверсифицировать импорт, расширив свою сухопутную торговлю с окруженной сушей Евразией. Это избавит его от геополитической уязвимости, присущей импорту исключительно через море. На стратегию Китая по покупке нефтяных и газовых месторождений повлияло позднее появление Пекина на рынке Казахстана, вследствие чего Китай может приобретать только сравнительно несущественные месторождения. Несмотря на наличие такого неблагоприятного изначального фактора, Китай пытается логически подходить к своим приобретениям. Для того чтобы бороться за ресурсы Центральной Азии, Пекин инвестировал в месторождения в Актюбинской области, а также недалеко от Каспийского моря (АктобеМунайГаз и морское месторождение Дархан), и начал участвовать в разработке более отдаленных месторождений, у которых нет преимущества расположения вдоль китайско-казахского трубопровода (Северные Бузачи, Северный Кумколь и Каражанбас). Менее чем за десять лет, китайские компании сумели успешно стартовать на казахском рынке (в 2006 году Китай контролировал около 24% производства Казахстана),²⁴ особенно благодаря принятию требования властей повсеместно

вовлекать КазМунайГаз в свою деятельность.

Общей стратегией Китая является объединение всех приобретенных месторождений с гигантским китайско-казахским трубопроводом, строительство которого ведется в данный момент и который соединит берег Каспийского моря с пограничным пунктом Достык/Алашанькоу. Первый отрезок трубопровода, который был введен в эксплуатацию в 2003 году, соединяет Кенкиякское месторождение с Атыраем; второй соединяет нефтеперекачивающую станцию и железнодорожный терминал в Атасу (Карагандинская область) со станцией Достык/Алашанькоу и был открыт в мае 2006 года. Третий и последний отрезок будет завершен к 2011 году и обеспечит общую мощность трубопровода в 20 млн. тонн в год. С стороны Китая этот трубопровод соединен с внутренним трубопроводом, а именно нефтепроводом Алашанькоу-Душаньцзы, который соединяет перерабатывающий завод в Душаньцзы с Синьцзяном.²⁵ Стратегию Китайской национальной нефтегазовой корпорации можно понять, только поместив ее в контекст внутренней заинтересованности Китая: целью этих приобретений является не просто предоставление энергетики Синьцзяну, но также и приморской территории плотно заселенных регионов восточного Китая. Но Казахстан не может поставлять энергетику в соразмерном с потребностями Китая количестве: трубопровод обеспечит 5% от общего импорта Китая. Эта цифра, однако, может увеличиться в два раза (до 40 млн. тонн из 400 тонн потребления Китая через 10 лет) после того, как завершатся работы по увеличению мощности.

Также Китай интересуют месторождения газа в Узбекистане и Туркменистане. Несмотря на трудную ситуацию в регионе, Китай сумел убедить Казахстан, Туркменистан и Узбекистан в целесообразности строительства общего трубопровода, а также совместной продажи газа в Пекин. В 2006 году власти Казахстана подписали предварительное соглашение о строительстве газопровода с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией, а Туркменистан подписал

соглашение об энергоресурсах с Китаем, согласно которому Ашхабад должен поставить 30 млрд. кубометров в 2009 году (к 2010 году ожидаются поставки ориентировочно 50 млрд. кубометров).²⁶ Китайская национальная нефтегазовая корпорация – первая иностранная газовая компания в Туркменистане, которой удалось получить право на осуществление деятельности по сухопутной добыче газа на основании соглашения о разделе продукции.²⁷ В апреле 2007 года Пекин и Узбекнефтегаз договорились о строительстве узбекского отрезка газопровода, а в июле 2008 года соответствующее соглашение было подписано между Пекином и КазМунайГазом по казахскому отрезку. Ввод в эксплуатацию данного газопровода запланирован на конец 2009 года, а проектная мощность составляет 30 млрд. кубометров в год. Казахстан, Узбекистан и Туркменистан будут поставлять примерно по трети от этой мощности. Общая стоимость проекта составляет 7 миллиардов долларов, что доказывает очевидное отсутствие колебаний Пекина на счет повышения ставок в вопросах, касающихся энергетики. Российская монополия на газ в Центральной Азии скоро закончится, и газопровод между Китаем и Центральной Азией будет этому способствовать.

Пекин также заинтересован в гидроэлектрическом секторе Центральной Азии. Китай рассматривает регион как возможный источник дешевого электричества, который может покрыть нехватку электричества в Синьцзяне. Большое количество таких китайско-среднеазиатских проектов играет очень важную роль в местном экономическом развитии. В Казахстане китайские компании строят гидроэлектростанцию Достык на реке Хоргос, притоке реки Или, которая служит международной границей двух государств. Также ведется строительство Мойнакской гидроэлектростанции на реке Чарын, расположенной в 200 км от Алматы. Мойнакская гидроэлектростанция является первым проектом строительства новой электростанции «под ключ» с момента независимости Казахстана (другие проекты предполагали усовершенствование станций, построенных в советскую эпоху). Астана и Пекин на данном этапе обсуждают

строительство угольной электростанции на реке Иртыш недалеко от города Экибастуз. В Таджикистане китайская компания Sinohydro Corporation находилась в процессе строительства станции Заравшан около Пенджикента, но оппозиция Узбекистана заморозила проект. Компания также строит несколько электролиний на юге страны в направлении Афганистана. В Кыргызстане было запланировано строительство нескольких гидроэлектростанций в горной гряде Тянь-Шань на границе с Синьцзяном. На данный момент ведутся переговоры по поводу финансирования Китаем трех станций на трех трансграничных реках, текущих из киргизских ледников в направлении Китая.²⁸

Тем временем, Китай поступательно увеличивает свое присутствие в секторе полезных ископаемых. В Центральной Азии имеются значительные запасы золота, урана, меди, цинка, железа, вольфрама и молибдена. Пекин очень заинтересован в запасах золота Казахстана и Кыргызстана. В 2005 году Национальная ассоциация золота Китая и металлургический комплекс Kazakhaltyn Mining подписали контракт о создании совместного предприятия по разработке месторождений золота в Казахстане.²⁹ В июне 2006 года Китай предложил образование китайско-киргизского совместного предприятия по добыче золота в Кыргызстане, из которого 10-20 тонн будут содержаться в Китайском банке развития в качестве гарантии кредита. Однако предложение было отклонено Кыргызстаном.³⁰ В мае 2008 года Китай «шел по пятам» России, участвуя в ремонте алюминиевого завода в Турсунзаде (алюминий является основным видом промышленности Таджикистана). Таджикская алюминиевая компания (TALCO) и Китайская национальная корпорация тяжелой промышленности подписали соглашение о строительстве двух заводов в Яванской области, которые будут поставлять алюминиевое сырье для дальнейшей переработки.³¹ Китай также нуждается в уране, в основном для строительства нескольких десятков атомных заводов. Необходимо отметить подписание нескольких соглашений с Казахстаном, особенно договор между китайским атомным

холдингом Гуандонг и Казатомпромом о поставке атомного топлива. Подписание в 2005 году договора о сотрудничестве способствовало укреплению связей двух стран в ядерном секторе, а также «объединению других сегментов промышленного цикла для производства обогащенного урана».³² Казатомпром таким образом станет единственным иностранным поставщиком на ядерном рынке Китая, что является определенным стратегическим признанием, которым особенно гордятся власти Астаны.

Присутствие Китая также важно по отношению к инфраструктуре, в которой Пекин внедряет двустороннюю стратегию: во-первых, ремонт приграничных дорог для улучшения торговли; во-вторых, освоение отдаленных регионов для обеспечения внутреннего сообщения. Таким образом китайские компании имеют значительное влияние на дорожные работы в регионе. В настоящее время ведется ремонт дороги из Иркештама в крупный город Ош, а также участка трассы Ош-Душанбе. Также ведется строительство двух туннелей в Таджикистане, а именно туннеля Чар-Чар, соединяющего Душанбе и Куляб, и туннеля Шахристан между столицей Таджикистана и Ходжендом.³³ К тому же, Туркменистан, Казахстан и Узбекистан приобретают еще больше оборудования из Китая, включая локомотивы, пассажирские и грузовые вагоны. Наконец, семь приграничных постов для торговли с Китаем играют важную роль в местной экономике и начинают менять перспективы развития для нескольких приграничных областей. Большая часть торговли между Китаем и Центральной Азией находится в руках восьми государственных предприятий и компаний, контролируемых народом Хань в Синьцзяне (в особенности госкорпорацией Xinjiang Production and Construction Corps), а также частными предпринимателями из Чжецзяна, особенно из города Вэньчжоу, который считается одним из самых крупных центров китайского предпринимательства. Более 80000 торговцев из Вэньчжоу обосновались в Синьцзяне, в основном в Кашгаре, и половина из них задействована в торговле с Центральной Азией.³⁴

Какие же выводы можно сделать по присутствию Китая в Центральной Азии? Такое присутствие, конечно, полезно для экономики стран Центральной Азии, хотя и является неоднозначным, так как оно более всего благоприятствует тяжелой промышленности, которая находится в руках олигархов и правительственных кланов. Малые и средние китайские предприятия – это редкость, так как Центрально-азиатский рынок довольно ограниченный, а климат для инвестиций считается неблагоприятным. Благодаря торговле стали появляться частные предприятия, как китайские, так и Центрально-азиатские, а также совместные предприятия, принадлежащие средним классам. От такого бизнеса также в первую очередь получают выгоду коррумпированные слои общества, работники таможни, милиция и др. К тому же, китайский способ ведения бизнеса все чаще получает резкую критику со стороны Центральной Азии: китайские компании приезжают со своим оборудованием и материалами, обходя таким образом местные предприятия. Штат таких компаний составляют в основном работники из Китая, которые живут изолированно там же, где и работают, не пытаясь интегрироваться в общество, а те немногие местные работники, которым удается трудоустроиться на такие предприятия, часто работают в ужасных условиях. Итак, содействует ли китайское присутствие развитию региона? Способствует ли оно распространению ноу-хау и технологий, обучению местных жителей и установлению отношений с принимающей страной? Похожие вопросы возникают в Африке и в Афганистане, и ответ на них является крайне парадоксальным.

К тому же, что касается торговли между Центральной Азией и Китаем, у уйгур, дунган и меньшинств Центральной Азии практически нет возможности участия, и их конкурентоспособность остается крайне низкой. Тем не менее, эти приграничные меньшинства играют важную роль в развитии двусторонних отношений, а также в культурном посредничестве между двумя сторонами.³⁵ Долгосрочные интересы Китая в отношении Центральной Азии, полностью окруженной сушей, в вопросе транзита и транспорта особенно

повлияют на будущее региона. Китайские вложения в инфраструктуру помогут государствам Центральной Азии избежать растущей изоляции, от которой они страдают с момента исчезновения инфраструктурных сетей Советского Союза. Благоприятным для этих стран является наличие продуктов потребления, подходящих для низкого уровня жизни, но также способных удовлетворить растущую потребность средних классов в технологиях, в особенности в Казахстане. Огромный приток китайской продукции предоставит населению Центральной Азии возможность возобновить их традиционную роль транзитного региона, экспортирующего товары вплоть до территории РФ, что киргизские и узбекские иммигранты в России уже начали делать.

Треугольник Россия-Китай-ЕС в Центральной Азии

Прагматизм китайских предпринимателей нравится странам Центральной Азии, так как он контрастирует с нерешительностью и невыполненными обещаниями коллег из России и Европы. Несмотря на это, их отношение к Китаю далеко от симпатии, а настроения синофобии с каждым днем все заметнее. Эксперты Центральной Азии выражают озабоченность потенциальными проблемами, которые может принести им их китайский сосед в долгосрочный период. На геополитическом уровне альянс между Москвой и Пекином в рамках ШОС считается положительным явлением с точки зрения его стабилизирующей и контролирующей роли в Центральной Азии. В то же время, такой альянс ограничивает возможности иностранной политики стран региона, которым, следовательно, сложно выразить свое мнение в случае несогласия. На уровне энергетического сектора, государства Средней Азии рассматривают свое сотрудничество с отличными от России странами, как возможность гарантировать независимость от Москвы. Что касается военной сферы, высшие классы Среднеазиатского общества предпочитают полагаться на Россию, которая в случае дестабилизации считается единственным реальным

союзником, в то время, как опасения в отношении армии и секретных служб Китая возрастают. В вопросах самоидентификации, практически никто из экспертов Центральной Азии не определяет себя как синофил. Причины этого могут крыться в истории отношений с Китаем, в уйгурской проблеме, влиянии китайской культуры или опасениях по поводу демографического вопроса. Все эксперты в более или менее радикальной форме, задаются одним и тем же вопросом: как народные меньшинства Центральной Азии могут сохранить свою автономию в долгосрочный период и избежать отождествления с китайским народом, в какой бы форме это ни происходило? Китай как «цивилизация» воспринимается, прежде всего, как чужеземная страна, а иногда озвучивается даже ее несовместимость со Средней Азией, в то время как в отношениях с Россией имеется чувство близости и даже родства: в сравнении с потенциальным господством Китая, Россию видят как «меньшее из зол».

Будущее китайского присутствия в Центральной Азии и его влияния на политику ЕС в регионе зависит от развития китайско-русских отношений. Русско-китайский альянс в Центральной Азии основывается на довольно реальных, но временных общих интересах. Тем не менее, в недалеком будущем можно различить очертания потенциального соперничества в вопросе энергетики, вызванного растущими потребностями Китая, а также предпочтением Москвы экспортировать Центрально-азиатскую продукцию в Западную Европу вместо осуществления вложений в свои собственные месторождения и инфраструктуру. Такое соперничество также может распространиться на уран, ценные металлы и электричество. Надежность и будущее русско-китайского партнерства также вызывают сомнения: в настоящее время Китай должен импортировать продвинутые технологии России, но когда страна достигнет эквивалентного Москве статуса, подозрения России по поводу амбиций Китая могут очень сильно возрасти. К тому же, русско-китайское партнерство функционирует в Центральной Азии, потому что Пекин стремится сохранить господство России в регионе. Китай предпочитает, чтобы Россия

покрывала высокие затраты военной безопасности, гарантирующей выживание нестабильных режимов.³⁶ Однако если Китай однажды решит занять основное место в политической, военной и культурной сфере, Пекин, вероятно, столкнется с ярким противостоянием со стороны Москвы. Прогнозируется, что через несколько лет, Китай затмит господство России в экономической сфере. Китай действительно является самым вероятным вариантом освобождения Центральной Азии из политического патроната России в ближайшем десятилетии. Для верхушки Центрально-азиатского общества подъем Китая является лишь зеркальным отражением грядущего упадка России.

Но включают ли в себя цели Китая что-то большее, чем господство в экономической сфере и сохранение стабильности в Центральной Азии? Власти Китая не заинтересованы в публичном оказании влияния на страны Центральной Азии. Так или иначе, в случае дестабилизации одного из государств Центральной Азии, возвращения Талибан в Афганистан, свержения власти в Пакистане или беспорядков в Синьцзяне, Пекин имеет в распоряжении все необходимые элементы для привлечения на свою сторону правительств Центральной Азии и, кажется, не стремится к большему. Да, это не означает, что Китай не имеет долгосрочных целей в регионе. Пекин стремительно пытается обосноваться в Афганистане: чтобы обеспечить свое влияние в стране, Китай стремится установить близкие политические отношения с Кабулом, оказывая помощь в реконструкции и развивая торговые и экономические отношения. Особенно важно отметить роль Китая в области экспорта в Афганистан. Согласно афганской статистике, в 2007-2008 годах 21% импорта Афганистана было получено из Китая. В целом, Китай, похоже, занял второе место после Пакистана в качестве второго по величине экономического партнера страны.³⁷ После того, как Китай оказался новой целью для наркосети Афганистана, Пекин пытается стать одним из ключевых игроков в Кабуле до 2015 года, вне зависимости от политических изменений в Афганистане. Основной целью китайской стратегии масштабного обоснования в Центральной

Азии в краткосрочный период является обеспечение стабильности в неблагополучных странах региона, а именно в Афганистане, Кыргызстане и Таджикистане. Долгосрочной целью является раскрытие региона в сторону Ирана и Турции. Пекин видит регион как «грунт» для развития региональной динамики, которая может быть расширена на запад и которая откроет двери Ближнего Востока и рынки Персидского залива; переоценка Китаем континентальных дорог и урон, нанесенный таким образом морским путям сообщения, также необходимо рассматривать как часть долгосрочной исторической эволюции, по отношению к которой ЕС необходимо занять определенную позицию.

В целом, потерпевшей стороной нынешнего альянса России и Китая в Центральной Азии являются США и ЕС. Этот союз не только ограничивает их спектр действий в регионе, но и усложняет политические отношения с местными правительствами по вопросам правильного управления и демократизации, а также замедляет обоснование западных компаний в экономике Центрально-азиатских государств. Часто озвучиваемая идея того, что присутствие Китая несет в себе выгоду для Запада, так как оно ослабляет господство России, оказалась недальнозоркой: несмотря на то, что Китай все-таки уравнивает власть в регионе, это не благоприятствует западному политическому и экономическому обоснованию в Центральной Азии. Напротив, Китай искусно маскирует свою политику сдерживания Запада в Центральной Азии, позволяя Москве играть главную роль. Таким образом остается только надеяться, что западные страны смогут привнести в регион осведомленность о своем потенциале с целью зарождения положительных чувств в Центральной Азии и приложат все усилия, чтобы вернуться в регион, чья долгосрочная стабильность нуждается в присутствии третьего участника в противовес русско-китайскому партнерству.

Рекомендации

Несмотря на различия, Китай и ЕС могут сотрудничать в Центральной Азии по следующим вопросам:

- *Формирование элиты.* Китай учредил стипендиальные программы для студентов из Центральной Азии, в основном фокусирующиеся на изучении китайского языка, экономике и обучении управленцев, а также на технических специальностях, с акцентом на топливе. Учитывая, что одной из целей ЕС в Центральной Азии является содействие развитию высшего образования, ЕС мог бы рассмотреть вариант учреждения сотрудничества на академическом и исследовательском уровне с университетами Китая, рассчитанными на студентов из Центральной Азии.
- *Сбалансированное развитие.* Эта тема является составной частью партнерства ЕС и Китая на протяжении нескольких лет. Власти Китая открыты для конкретных действий, а ЕС объявило это одной из главных задач своей внутренней и внешней политики. Пекин и Брюссель могли бы учредить совместные программы в Центральной Азии по таким вопросам, как создание государственных органов для предотвращения природных и пищевых рисков, а также эпидемиологической защиты.
- *Улучшение транспортной инфраструктуры.* Как Китай, так и ЕС участвуют в крупных проектах по разработке транс-евразийских континентальных путей сообщений в рамках ТРАСЕКА (транспортный коридор Европа-Кавказ-Азия). Европейский банк реконструкции и развития, а также Азиатский банк развития могли бы чаще прибегать к сотрудничеству по проектам финансирования строительства дорог, туннелей, мостов и железной дороги. Одной из основных проблем такого рода проектов является не само построение инфраструктуры, а его коммерческая рентабельность, которая снижается за счет высокого уровня таможенной бюрократии. К тому же, как упоминалось выше, китайский способ построения инфраструктуры без предоставления технологий и обучения местного населения основывается на концепции «развития», которая сильно отличается от этого же понятия в ЕС, где основной акцент делается на человеческий фактор.
- *Гидроэлектростанции.* В отличие от России, Китай готов финансировать мелкомасштабные гидроэлектростанции в Центральной Азии, которые создают менее напряженную атмосферу между странами региона и являются менее сейсмоопасными. Такие небольшие станции могут положительно повлиять на местное развитие в Таджикистане и Кыргызстане и таким образом частично выполнить цели, которые поставил перед собой ЕС, а именно развитие и борьба с бедностью.
- *Контроль на границах и борьба с наркотрафиком.* Пекин сильно обеспокоен проницаемостью границ Центральной Азии, а также незаконной торговлей ангидридом уксусной кислоты, производимым химическими заводами Китая, который позволяет превращать опиум в героин. Сотрудничество на границах часто сложно организовать в международных рамках, поэтому оно обычно основано на двусторонних отношениях. Тем не менее, прогрессивное формирование патрулирования китайско-казахской границы может способствовать развитию сотрудничества с командой Программы по контролю границ Центральной Азии (ЕС), а также привести к обмену между экспертами и специалистами по обучению работников таможи. Проекты развития в Афганистане также могут проводиться ЕС совместно с Китаем.

Заключение

ЕС будет очень сложно найти политическое взаимопонимание с Китаем в вопросе Центральной Азии, так как Пекин не способствует демократизации

региона. Некоторые экономические секторы, такие как газ и, в меньшей степени, нефть и уран являются основой конкуренции Китая и ЕС. В вопросах, связанных с формированием элиты Центральной Азии, контролированием риска, сбалансированным развитием и принятием мер в связи с отсутствием выхода в море у региона, Брюссель и Пекин разделяют похожее восприятие ситуации. В среднесрочный период ЕС мог бы рассмотреть свое участие в ШОС в качестве наблюдателя. Способность Центральной Азии противостоять угрозам безопасности также является важным фактором безопасности и возможной сферой понимания между ЕС и Китаем. Совместные действия по некоторым направлениям, касающимся укрепления контроля на границах, теоретически возможны, хотя оценка ситуации двух сторон различается в нескольких вопросах: Как и Китай, ЕС желает стабильности региона, однако Китай считает существующие режимы стабилизирующим элементов и, следовательно, поддерживает их, в то время как ЕС воспринимает эти режимы как катализаторы потенциальной дестабилизации. Когда случится следующая политическая дестабилизация, как в Андижане в 2005 году, а вероятно, что Узбекистан, Кыргызстан или Таджикистан пострадают от беспорядков в ближайшие годы, тогда ЕС и Китаю будет сложно согласовать свой подход к такой ситуации.

Примечания

1 См. раздел «Китай» на веб-странице Международных отношений Европейской комиссии (http://ec.europa.eu/external_relations/china/intro/index.htm).

2 Для более подробной информации о дипломатических отношениях между Китаем и Центральной Азией см. Т. Келнер, *L'Occident de la Chine, Pékin et la nouvelle Asie centrale (1991-2001)*, Paris: PUF, 2008.

3 Китай претендовал на 2235 км² территории Казахстана, разделенной на одиннадцать зон, некоторые из которых составляли всего лишь десятки квадратных километров. В Кыргызстане Китай предъявил права на 3728 км², разделенных на пять зон, изначально требовал возвращения практически всех требуемых земель в Таджикистане, из которых претендовал на обширную территорию Памирских гор (28430

км²), что составляет пятую часть площади страны.

4 Для более подробной информации о синофобии в Центральной Азии см. M. Laruelle and S. Peyrouse, *China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies*, Silk Road Monograph, Central Asia and Caucasus Institute, Washington, D.C., April 2009 (загружено с <http://www.isdp.eu/files/publications/books/09/ml09chinaneighbor.pdf>).

5 Zh. Huasheng, Китай, Центральная Азия и Шанхайская Организация сотрудничества [China, Central Asia, and the Shanghai Cooperation Organisation], рабочий доклад № 5, Carnegie Endowment for International Peace, Moscow, 2005.

6 I. Facon, "L'organisation de coopération de Shanghai. Ambitions et intérêts russes" [The Shanghai Cooperation Organisation: Russian ambitions and interests], *Le courrier des Pays de l'Est*, no. 1 055, 2006, стр. 26–36.

7 A. Iwashita, "The Shanghai Cooperation Organization and Its Implications for Eurasian Security: A New Dimension of 'Partnership' after the post-Cold War Period", in *Slavic Eurasia's Integration into the World Economy and Community*, Slavic Research Center, Hokkaido University, 2004, стр. 259–281.

8 К.Л. Сыроежкин, Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии [The problems of contemporary China and security in Central Asia], KISI, Алматы, 2006.

9 Например, когда второй президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедов заново открыл Интернет-кафе в феврале 2007 года, он подписал контракт с китайскими компаниями о покупке программного обеспечения, ограничивающего доступ к веб-сайтам.

10 S. Peyrouse, "Le tournant ouzbek de 2005. Eléments d'interprétation de l'insurrection d'Andijan", *La Revue internationale et stratégique*, no. 64, 2006, стр. 78–87.

11 G. Gleason, "The Uzbek Expulsion of U.S. Forces and Realignment in Central Asia", *Problems of Post-Communism*, Vol. 53, No. 2, 2006, стр. 49–60.

12 S. Peyrouse, "The Issue of Separatism: The European Union, Central Asia and the Uyghur Issue", *European Union-Central Asia Monitor*, No. 3, 2009.

13 Только Туркменистан до сих пор не подал заявление о членстве в организации; Кыргызстан является членом ВТО с 1998 года.

14 См. статью "China loans 10 bln dlrs to Kazakhstan", 17 April 2009 (загружено с http://www.energy-daily.com/reports/China_loans_10_bln_dlrs_to_Kazakhstan_state_media_999.html).

15 В. Парамонов и А. Строков, *Экономическое Присутствие России и Китая в Центральной Азии* [The economic presence of Russia and China in Central Asia], Central Asian Series, Conflict Studies Research Center, Defence Academy of the United Kingdom,

Shrivenham, 07/12, 2007, стр. 3.

¹⁶ Сложно получить точные данные об объеме торговли между Китаем и Центральной Азией, так как агентства статистики стран Центральной Азии практически не принимают во внимание приграничную торговлю, а также не могут оценить размеры нелегальной торговли, особенно в сфере металлов. См. G. Raballand and B. Kaminski, "La déferlante économique chinoise et ses conséquences en Asie centrale", *Monde chinois*, no. 11, 2007, стр. 129–134.

¹⁷ В. Парамонов и А. Строков, *Экономическое Присутствие России и Китая в Центральной Азии* (2007), цитата, стр. 4.

¹⁸ G. Raballand and A. Andrésy, "Why should trade between Central Asia and China continue to expand?", *Asia Europe Journal*, Vol. 5, No. 2, 2007, стр. 235–252.

¹⁹ Hsiu-Ling Wu and Chien-Hsun Chen, "The Prospects for Regional Economic Integration between China and the Five Central Asian Countries", *Europe-Asia Studies*, Vol. 56, No. 7, 2004, стр. 1059–1080.

²⁰ В. Парамонов и А. Строков, *Экономическое Присутствие России и Китая в Центральной Азии* (2007), цитата, стр. 5.

²¹ См. статью "Xinjiang's border trade to Kazakhstan on the fast track" на веб сайте правительства Синьцзян-Уйгурского Автономного округа, Январь 2006 года (загружено с [http://www.xinjiang.gov.cn/1\\$002/1\\$002\\$013/352.jsp?articleid=2006-1-3-0003](http://www.xinjiang.gov.cn/1$002/1$002$013/352.jsp?articleid=2006-1-3-0003)).

²² В. Парамонов и А. Строков, *Экономическое Присутствие России и Китая в Центральной Азии* (2007), цитата, стр. 4.

²³ G. Raballand and B. Kaminski, "La déferlante économique chinoise et ses conséquences en Asie centrale" (2007), цитата.

²⁴ Но эта пропорциональная часть от общей добычи нефти Казахстана уменьшится в ближайшее время с разработкой Тенгизского и Кашаганского месторождений, что будет являться неблагоприятным процессом для Китая.

²⁵ См. статью "Kazakhstan-China oil pipeline open to commercial operation", *People's Daily Online*, 12 July 2006 (загружено с http://english.people.com.cn/200607/12/eng20060712_282194.html).

²⁶ См. статью "Turkmenistan: Gas pipeline to China is ready", *Asia News*, 22 августа 2006 года (загружено с <http://www.asianews.it/index.php?l=en&art=6997>).

²⁷ J. Šír and S. Horák, "China as an Emerging Superpower in Central Asia: The View from Ashkhabad", *China and Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 6, No. 2, 2008, стр. 75–88.

²⁸ S. Peyrouse, "The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China", *China and Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 5, No. 2, 2007, стр. 131–148.

²⁹ См. статью "Китайская и казахстанская компании создали СП по добыче золота в Казахстане [Chinese and Kazakh

companies create a joint venture for the extraction of gold in Kazakhstan], *RosInvest*, 7 сентября 2005 года (загружено с <http://www.rosinvest.com/news/126039/>).

³⁰ См. статью «Китай готов инвестировать 900 миллионов долларов в Кыргызстане в обмен на ресурсы и строительство ж.д.» [China is ready to invest 900 million dollars in Kyrgyzstan in exchange for resources and the construction of a railway], *CentrAsia*, 29 января 2005 года (загружено с <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1106979480>).

³¹ S. Peyrouse, "China's Recent Advance in Central Asia", *Central Asia and Caucasus Analyst*, 12 декабря 2008 года (загружено с <http://www.cacianalyst.org/?q=node/5001>).

³² А. Шмидтке, «Атомная промышленность Казахстана: современное состояние и перспективы развития», 2006 год (загружено с http://www.pircenter.org/data/publications/06-05-31Shmidke_Article.pdf).

³³ Для более подробной информации см. S. Peyrouse, *The Economic Aspects of the Chinese-Central Asia Rapprochement*, Silk Road Papers, Central Asia and Caucasus Institute, Washington D.C., сентябрь 2007 года (загружено с www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/2007/0709ChinaCentral_Asia.pdf).

³⁴ G. Raballand and A. Andrésy, "Why should trade between Central Asia and China continue to expand?" (2007), цитата.

³⁵ M. Laruelle and S. Peyrouse, "Cross-border Minorities as Cultural and Economic Mediators between China and Central Asia", *China and Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 7, No. 1, 2009, стр. 93–119.

³⁶ Согласно интервью, взятым у представителей основных аналитических и исследовательских центров Китая, заинтересованных в СССР в Шанхае, Пекине, Ланьчжоу и Сиане, сентябрь-декабрь 2008 года.

³⁷ T. Kellner, "Le 'dragon' et la tulipe": les relations sino-afghanes dans la période post-11 septembre," *Asia Papers*, Brussels Institute of Contemporary China Studies, Brussels, январь 2009 года (загружено с [http://www.vub.ac.be/biccs/documents/APaper_Kellner_Thierry_\(2009\)_Le_dragon_et_la_tulipe_vol.4\(1\).pdf](http://www.vub.ac.be/biccs/documents/APaper_Kellner_Thierry_(2009)_Le_dragon_et_la_tulipe_vol.4(1).pdf)).

EUCAM представляет собой рассчитанный на 18 месяцев исследовательский и информационный проект, целью которого является: усилить значение Стратегии ЕС в отношении Центральной Азии; обогатить дебаты об отношениях ЕС и Центральной Азии и о роли Стратегии в этих отношениях; увеличить прозрачность и обратную связь посредством предоставления высококачественной информации и анализа; развивать взаимопонимание путем углубления знаний европейского и центральноазиатского обществ о политике ЕС в этом регионе; развивать «критический» потенциал в странах ЕС и Центральной Азии через создание сетей сотрудничества между сообществами, которые затрагивает проблема роли ЕС в Центральной Азии.

Основными спонсорами проекта являются Институт «Открытое общество» (OSI), Министерство иностранных дел Нидерландов, Министерство иностранных дел Чехии, Министерство иностранных дел и сотрудничества Испании, Министерство иностранных дел и по делам Содружества Великобритании.

FRIDE представляет собой мозговой трест, базирующийся в Мадриде, который отличает оригинальный и инновативный взгляд на роль Европы на международной арене, а также тщательность анализа и скрупулезность исследований. FRIDE стремится открыть новые горизонты и дать начало общественным дискуссиям по вопросам мира и безопасности, прав человека, демократического развития и гуманитарной помощи.

Центр европейских политических исследований является одним из самых опытных и авторитетных мозговых трестов ЕС. Он служит ключевой дискуссионной площадкой для ведения дебатов в области исследований единой Европы. Особенностью центра является мощный исследовательский потенциал, который сочетается с разветвленной сетью партнерских институтов по всему миру. CEPS видит свою миссию в проведении профессиональных исследований, отвечающих вызовам времени, стоящим перед ЕС сегодня.